

DETECTED

ТАЙНА, ПОКОРИВШАЯ МИР

Джон Коннолли

Любовники
смерти

Москва
2016

УДК 821.111-312.4(417)

ББК 84(4Ирл)-44

К64

John Connolly

THE LOVERS

Copyright © John Connolly 2009. This edition published by
arrangement with Darley Anderson Literary,
TV & Film Agency and The Van Lear Agency.

Оформление серии *А. Саукова*

Иллюстрация на суперобложке
и переплете *В. Коробейникова*

Коннолли, Джон.

К64 Любовники смерти / Джон Коннолли ; [пер. с
англ. М.В. Кононова]. — Москва : Издательство «Э»,
2016. — 416 с. — (DETECTED. Тайна, покори́вшая
мир).

ISBN 978-5-699-88827-6

За свою многолетнюю карьеру частному детективу Чарли Паркеру довелось раскрыть немало секретов — преступных, грязных и даже сверхъестественных. Но он ни на шаг не приблизился к раскрытию тайны, окутывавшей его собственное детство. Почему отец Чарли, образцовый полицейский, совершил двойное убийство, а затем покончил с собой? Что скрывали от него родители и почему отцовские сослуживцы на все его вопросы отвечали ложью? На этот раз детектив твердо решил выяснить правду. Но секреты, которые хранит прошлое Паркера, интересуют не только его самого...

УДК 821.111-312.4(417)

ББК 84(4Ирл)-44

© Кононов М.В., перевод
на русский язык, 2014

© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Э», 2016

ISBN 978-5-699-88827-6

Посвящается Дженни

Пролог

Правда часто оказывается
страшным оружием агрессии.
Ради правды можно лгать и даже убивать.

Альфред Адлер (1870–1937)

Проблемы невроза

Я говорю себе, что это не расследование. В отношении других все должно быть расследовано, но не для меня и моей семьи. Я готов копаться в жизни чужих людей и выставлять напоказ их тайны и ложь — иногда ради денег, а иногда потому, что это единственный способ развеять старые призраки, — но я не хочу копаться и ворошить то, что я всегда считал личной жизнью моих родителей. Они умерли. И пусть спят спокойно.

Однако в повествовании, построенном на событиях их жизни, в сказке, рассказанной ими самими и продолженной другими, осталось без ответа слишком много вопросов, слишком много нестыковок. Я больше не могу позволить им оставаться невыясненными.

Мой отец Уильям Паркер, которого друзья звали Уилл, умер, когда мне было почти шестнадцать. Он служил копом в Девятом округе Нью-Йорка, в Нижнем Ист-Сайде. Его любила жена, он был ей верен, и у него был обожаемый и обожавший его сын. Отец предпочитал ходить в форме и не искал повышения, так как его вполне удовлетворяла служба на улицах в

качестве обычного патрульного. У него не было секретов — по крайней мере, таких страшных, раскрытие которых могло бы серьезно повредить ему и его близким. Он жил обыкновенной жизнью в маленьком городке, или настолько обыкновенной, насколько это возможно, когда циклы твоего дня определяются перечнем обязанностей, убийствами, кражами, наркоманами и господством сильных и безжалостных над слабыми и незащитными. Его упущения были незначительными, грешки — простительными.

Все вышесказанное — ложь, за исключением того, что он действительно любил своего сына, хотя сын иногда и забывал любить его в ответ. В конце концов, когда он умер, я был всего лишь подростком, а какой мальчишка в этом возрасте не бодается с отцом, стараясь продемонстрировать в доме свое превосходство над стариком, который уже не понимает природы постоянно изменяющегося вокруг мира? Так любил ли я его? Конечно, любил, но под конец я отказывался признать это перед ним, да и перед собой тоже.

А вот правда.

Мой отец умер не от естественных причин — он покончил с собой.

Он не продвигался по службе не потому, что сам не хотел, а таково было его наказание.

Жена не любила его, а если и любила, то совсем не так, как когда-то, потому что он изменил ей, и она не могла заставить себя простить ему эту измену.

Он вел не обыкновенную жизнь, и люди умирали, чтобы сбересть его тайны.

У него были страшные слабости, и грехи его были смертные.

Однажды ночью на пустыре неподалеку от того места, где мы жили в Перл-Ривер, мой отец убил двух безоружных подростков. Они были не намного старше меня. Сначала он убил паренька, а потом девушку. Он воспользовался своим личным кольтом тридцать восьмого калибра с двухдюймовым стволом, потому что в это время был в штатском. Парню пуля попала в лицо, девушке в грудь. Убедившись, что они мертвы, отец, словно в трансе, поехал обратно в Нью-Йорк, принял душ и переоделся в раздевалке в Девятом полицейском участке. Менее чем через двадцать четыре часа он застрелился.

Всю свою взрослую жизнь я не мог понять, зачем он все это сделал, но мне казалось, что ответа на этот вопрос все равно не найти, — а возможно, я лгал себе, потому что так мне было легче.

Но пришло время назвать вещи своими именами.

Это расследование обстоятельств смерти моего отца.

Часть первая

Хоть ненавижу, люблю.
Зачем же? — пожалуй, ты спросишь.
И не пойму, но в себе чувствуя это, крушусь.

*Катулл
Стихотворения, 85¹*

Глава 1

Бобби Фарадей уже три дня как пропал. В первый день ничего не предпринималось для его поисков. В конце концов, ему было двадцать два года, а молодой человек в этом возрасте больше не обязан соблюдать комендантский час и установленные родителями правила. И все же обычно он так не поступал. Бобби Фарадей заслуживал доверия. Он был студентом последнего курса, хотя и взял академический отпуск, прежде чем определился с направлением своего обучения в области машиностроения, и поговаривал, что уедет на пару месяцев за границу или поработает у своего дяди в Сан-Диего. Но вместо этого так и остался в своем родном городке, копил деньги, живя с родителями, и клал в банк сколько мог от своего заработка, а это было чуть меньше, чем в предыдущий год, поскольку теперь он мог безнаказанно пить, и, может быть, позволял себе новообретенные вольности с большим энтузиазмом, чем это можно было бы счесть вполне благоразумным. Пару раз после Нового года у него было убийственное похмелье — и его старик по-

¹ Перевод А. Фета (здесь и далее прим. перев.).

советовал ему притормозить, пока печень еще сама не взмолилась о пощаде, но Бобби был молод, бессмертен, и он был влюблен, — по крайней мере, до недавнего времени. Возможно, было бы правильнее сказать, что Бобби был по-прежнему влюблен, но объект его привязанности дал ему отставку, и Бобби завяз в трясине своих эмоций. Из-за этой девушки он и предпочел остаться в городе, вместо того чтобы увидеть чуть побольше в окружающем мире, и тогда его родители восприняли его решение со смешанными чувствами: с благодарностью со стороны матери и с разочарованием со стороны отца. Сначала об этом шли споры, но потом, как два измотанных войска на грани никому не нужного сражения, отец и сын заключили нечто вроде перемирия, хотя обе стороны смотрели друг на друга настороженно, ожидая, кто первый моргнет. Тем временем Бобби пил, а его отец внутренне кипел, но молчал, полагая, что разрыв отношений может заставить сына принять необдуманные решения до окончания обучения осенью.

Несмотря на периодические уступки своим прихотям, Бобби никогда не опаздывал на работу в автомата-газине и на бензоколонке, потому что там всегда оставалась работа, он всегда что-то не хотел оставлять незаконченным, даже если это можно было без особого труда доделать утром. Это было одной из причин, почему отец, несмотря на их разногласия, не особенно беспокоился о перспективах сына: Бобби был слишком сознательным, чтобы надолго оставаться выбитым из колеи. Он любил порядок и всегда его соблюдал. Он не был похож на многих молодых разгильдяев ни по внешности, ни по отношению к делу. Разгильдяйство просто было не в его натуре.

Но вчера вечером он не пришел домой и не позвонил родителям, чтобы сообщить, где он может быть, и это само по себе было необычно. Потом он не появился на работе следующим утром, и это было так нехарактерно, что Рон Невилл, владелец бензоколонки, позвонил Фарадею домой, чтобы узнать, что с ним и не заболел ли он. Мать выразила удивление, что ее сын еще не на работе. Она просто думала, что он пришел домой поздно и рано ушел. Она проверила его спальню, которая располагалась в цокольном этаже. Постель была не тронута, и не было никаких признаков, что он провел ночь дома.

Не дождавшись известий до трех часов дня, мать позвонила на работу мужу. Вместе они обзвонили друзей Бобби, случайных знакомых и его бывшую девушку Эмили Киндлер. Этот последний звонок был деликатным делом, поскольку она и Бобби разорвали отношения всего пару недель назад. Отец подозревал, что из-за этого сын и стал пить больше, чем следовало, но он был не первым, кто пытался утопить любовную печаль в дозе алкоголя. Беда в том, что несчастная любовь не тонет в спиртном: чем больше ты стараешься ее утопить, тем упрямее она выплывает наверх.

Никто о Бобби ничего не слышал, и его не видели со вчерашнего дня. После семи часов вечера позвонили в полицию. Начальник полицейского участка отнесся к заявлению скептически. Он был новичок в этом районе, но знаком с поведением молодежи. Тем не менее он признал, что такое необычно для Бобби Фарадея, что с тех пор, как он покинул бензоколонку, прошло двадцать четыре часа, что Бобби не заходил после работы ни в один из местных баров и что последним его видел, похоже, Рон Невилл. Начальник

собрал воедино описание парня, позаимствовал его снимок, сделанный прошлым летом, и проинформировал местные правоохранительные органы и полицию штата о возможной пропаже человека. Ни один из этих органов не проявил большой активности, поскольку они были почти так же циничны во взглядах на поведение молодых парней, как и начальник полицейского участка. В случае пропажи они были склонны ждать не двадцать четыре, а семьдесят два часа, прежде чем предположить, что за исчезновением кроется что-то более серьезное, чем просто пьянство, гормоны или домашние проблемы.

На второй день его родители и друзья начали неофициальный опрос в районе и близлежащих кварталах, но безрезультатно. Когда начало темнеть, мать и отец вернулись домой, но уснуть в ту ночь не смогли, как и в предыдущую. Мать лежала в постели, повернув лицо к окну, прислушиваясь, не раздадутся ли приближающиеся шаги, знакомая походка ее единственного сына, наконец, возвращающегося к ней. Она лишь слегка пошевелилась, услышав, что муж встал и надел халат.

— Что случилось? — спросила она.

— Ничего, — ответил он. — Я хочу заварить чай и посидеть немного. — Он помолчал. — Хочешь чаю?

Но она знала, что он спрашивает только из вежливости, а на самом деле предпочел бы, чтобы она не вставала. Ему не хотелось сидеть с ней, молча, за кухонным столом, вместе, но каждый сам по себе, питая своим страхом страх другого. Ему хотелось остаться одному. И потому она отпустила его, а когда дверь спальни закрылась за ним, заплакала.

На третий день официально начались розыски.

Множество золотистых колосков двинулись как один, бесчисленные фигурки послушно нагнулись в унисон от легкого касания позднего зимнего ветерка, как паства в церкви согласованно кланяется во время службы, ожидая момента освящения Святых Даров.

Колосья шептались между собой мягким, тихим шепотом, напоминавшим прибой далеких волн, и этот шум было странно слышать здесь, в этом удаленном от моря месте. Их бледность нарушалась пятнышками маленьких цветочков, красных, оранжевых и синих, — горсточкой лепестков, рассеянных в океане семян и стеблей.

Колосья пережили жатву и выросли высокими, слишком высокими, а их верхушки сгнили. Сезонное зерно пропало зря, поскольку старик, на чьей земле оно росло, умер прошлым летом, а его родственники дрались за право продажи собственности и спорили о том, как будет поделена выручка. Пока они конфликтовали, колосья вытянулись к небу — море тусклого золота посреди зимы, — приглушенно разговаривая между собой о том, что лежало рядом, скрытое и обдуваемое ветром.

И все же нива казалась умиротворенной.

Внезапно ветер на мгновение стих, и колосья выпрямились, словно обеспокоенные этой переменной, чувствуя, что все уже не так, как было. А потом ветер поднялся снова, сильнее, переходя в небольшие расфокусированные порывы, покрывавшие поле рябью и водоворотами, и их ласка была уже не такой нежной. Умиротворение сменилось смятением. Солнце выхватывало разрозненные участки еще стоящих колосьев, пока они не упали на землю. Шепот стал громче и за-

глушил тревожный крик одинокой птицы, возвещавшей о чем-то приближении.

Какая-то темная фигура появилась на горизонте, как огромное насекомое, парящее над колосьями. Она росла, становилась выше, вот появилась голова, плечи и наконец все тело человека, идущего между стеблями пшеницы, а впереди него пробиралась фигурка поменьше, приносящаяся и таящая на бегу, — первые, кто появился здесь, с тех пор как умер старик.

Потом показалась вторая фигура, более крупная, чем первая. Этот человек словно боролся с пространством и страдал от непривычных усилий, к которым его вынудило участие в поисках. На расстоянии от себя, к востоку, эти двое могли видеть других участников. Так получилось, что они отбились от основной группы, да и сама она с течением дня уменьшилась. Уже смеркалось. Скоро настанет время прекратить поиски, а в следующие дни соберется еще меньше людей.

Они начали утром, сразу же после воскресной службы. Участники поисков были прихожанами католической церкви Св. Фаддея, поскольку у нее был самый большой внутренний двор и, что любопытно, самая малочисленная паства — этого парадокса Пейтон Кармайл, человек с собакой, никак не мог до конца понять. Возможно, думал он, когда-то в будущем следовало ожидать массового обращения в католичество, что, в свою очередь, заставляло его задуматься, не являются ли католики просто более оптимистичными, чем другие люди.

Начальник полиции и его люди разделили район на участки, а жителей района — на группы и каждой группе поручили определенный участок. Близлежащие церкви обеспечили их бутербродами, картофелем